

15 ДЕКАБРЯ
1928 г.
суббота
№ 291 (1501)

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Вечерняя Москва

„Личности“

Появился целый ряд беллетристических произведений, в которых, выражаясь термином двадцатых годов минувшего столетия, выведены — «личности». Не типы, не образы, рожденные творческим воображением — а портреты живых людей, фотографически точные их изображения. Вот это самое и называлось в старину **личностями**.

Впрочем, один из наших современников пошел дальше в поисках живой природы для романа: ничтоже сумашдело, он полностью, всеми, как говорится, буквами пропечатал имя, отчество и фамилию одной своей знакомой, с точностью изобразив все ее физические приметы, но приписав ей поступки и речи такого свойства, что она справедливо сочла себя оскорбленной и протестовала против допущенной писателем инсинуации.

Да, конечно, это именно инсинуация. Поступок, настолько противоречащий литературным приличиям, что о нем и не может быть двух мнений. Беллетрист совершил гадость.

Но вслед за этим романом появились произведения Каверина «Скадальник», Вагинова — «Козинная песня» и последняя повесть Б. Лавренева — «Жури. «Звезда»). И казалось, что здесь мы имеем дело опять с «личностями». Ленинградские литераторы нашли свои изображения у перечисленных авторов. Многие обиделись.

Так, вслипла проблема о допустимости пользоваться «моделями», выведенными прямо из жизни и без всяких прикрас перенесенными на страницы романов и повестей. Допустимо ли это? Чтобы ответить на это, нужно, прежде всего, разрешить вопрос о границах пользования живыми моделями. Ведь спор о «личностях» — очень старый спор. Блаженной памяти Третьяковский уже был обижал, что его пародировали современники. Пародировали чрезвычайно метко, и почти не пользовались никакими аллегориями.

XVIII-й век вообще полон анекдотами, вскрывающими истинную природу этих народов или, как тогда говорили, «переворотов». Знаменитый Барков — талантливый переводчик и еще более

талантливый автор непристойных стихотворений — пародировал Сумарокова, а Сумароков в своей комедии «Ядовитый», вывел не только Баркова, но и другого своего современника — журналиста Федора Змина.

В то времена компенсацией за обиду, нанесенную «переворотами», служила лишняя табакерка, обиженным выпрошенная из кабинета «за величество». Жаловался Третьяковский, жаловался и Ломоносов, апеллировал к «мудрой Екатерине» Сумароков. И были утешены вещественными знаками монаршего к ним благоволения. Табакерка, с бриллиантами или без оных, разрешала литературную тайну.

В XIX веке вопрос осложнился: табакерка перестала действовать, а мода выводить «личностей» укрепилась. Со страниц альманахов она перешла на сцену. Пользовались успехом только ценой, в которых были персонажи, пародировавшие известных журналистов или критиков. Актеры не стеснялись придавать своим гримам фотографическое сходство с оригиналами, послужившими моделями живыми моделями. Этим не брезгал даже знаменитый Мартынов и ему аплодировал «сам» Николай Павлович, большой любитель литературных «переворотов».

А Фаддей Булгарин!.. Для скольких послужил он мишенью ядовитых острот, и сколькими был «выведен» в злых эпиграммах! «Вилко Филарин», — сказал о нем Пушкин — и имя быть, и даже наверное, это и было самым метким, и самым остроумным из всего, что писалось по адресу Булгарина. И рад бы был жаловаться почтенный редактор «Пчелы», да как пожаловаться? Пушкин не назвал его полным именем — он «только» имитировал в замечательном сочинении «Видока» — знаменитого английского сыщика — с «Филарин», — имя и фамилию Фаддея Венедиктовича. Так явил Пушкин истинный пример умения «живую натуру» как бы перевоплощать в образ, хоть и возникший из подлинной действительности, но творчески преобразованный в некое обобщение.

Актеры «Александринки», игравшие

водевиле о «личностях», показывая эти «личности» в натуральном их виде, делали явно мало почтенное дело. Сцена сводила счесть с журналистами. Это и было «личностями» в полном и точном значении слова. Пушкин, наоборот, пользовался ничтожной личностью, создавал некое обобщение, имеющее чисто политическое значение. Его спор с Булгариным не был личным.

И ничего, разумеется, не было личного в том, что Тургенев для своего Рудина воспользовался чертами Бакунина. Современникам это было прекрасно известно, но никому не пришло в голову обвинить Тургенева в инсинуации! Но мы знаем другой пример, когда сам Тургенев был «выведен» Достоевским — стал Кармазиновым его «Бесов». Тургенев не узнал себя в романе, но и виду не показал, что зная caricatura Достоевского для него оскорбительна. Да если бы и заявил о своей обиде, чем бы он мог доказать, что «Кармазинов» — Иван Сергеевич Тургенев? Достоевский, как подлинный художник, воспользовался для своего образа только несколькими, правда, наиболее характерными черточками живого Тургенева. Это дело исследователей заниматься подбором именно тех черточек, которые легли в основу кармазиновского образа, и которые явно пародировали Тургенева.

Нет в мире писателя, который в той или иной степени, в большем или меньшем приближении к натуре, не поступал бы так, как поступали Тургенев, Достоевский, Бальзак, Флобер и др. Ведь знаем же мы, «живую» мадам Бовари; Флобер изменил только имя и фамилию одной провинциалки, любовные приключения которой дали ему материал для гениального романа.

А Чехов... Разве его «Попрыгунья» не изображение художницы С. П. Кушвинниковой, о чем прекрасно были осведомлены друзья Чехова, из которых один — Левитан — знаменитый художник, след далее долгом выступить за честь? Кушвинниковой и собирался вызвать Чехова на дуэль. Левитан отвечал, да и что? Конце концов, мог бы предъять им и Чехову: героиня «Попрыгуньи» носит другое имя, физически она нарисована несхожей с Кушвинниковой и имеет с нею — внешне — только то общее, что она художница и что муж ее скромный доктор. Чехов взял

не внешние черты, а запечатлел в «Попрыгунье» тот внутренний облик Кушвинниковой, который казался ему настолько выразительным, чтобы стать типическим. Пользуясь Кушвинниковой как моделью, Чехов дал гущенный и обобщенный образ, раскрывающий очень большое и очень сложное психологическое явление. Чехов в данном случае поступил с Кушвинниковой, как подлинный художник.

В наши дни проблема «личности» «выведенной» в литературу, остается, в сущности, такой же, какой она была во времена Пушкина, Тургенева, Достоевского, Чехова. Все дело в художественном такте, все суть в том, что писатель, отталкиваясь от случая, должен дойти до некоего обобщения. Это очень старая истина. И по существу — это закон художественного творчества.

Другое дело, когда автор «Романа без вранья» рассказывает о своих знакомых подробности их интимного быта, личной приватности в том, что они редко меняют носки. Не только для беллетристики, но и для самого памятливого мемуариста — это не дело. Ведь и в воспоминаниях нужно быть приличным, и соблюдать минимум такта в отношении живых современников!

Нас несколько не шокирует, когда Виктор Шкловский полностью называет имена и фамилии современных ему писателей и журналистов. Он пользуется личностями в тех же целях, в каких ему нужны даты. «Личности-даты» — только прием, которым искусство владеет Шкловский.

Но очевидно, если кто-то обиделся на Каверина и Б. Лавренева, то только потому, что Каверин и Лавренев, расширяя границы дозволенного и не сумев отойти от фотографии. Вероятно, им не хватало умения превратить фотографию в художественный образ.

А все дело — только в этом умении...

Когда же вместо писательского «умения» присутствует недумываемая игра на «сенсации», а «живая модель», истинному художнику потребная для творческого приспособления, превращается в «пикантную карточку», показываемую из-под пальца, — тогда мы критиком «руки против, граждане. Не пачкайте литературу».

ЮР. СОБОЛЕВ